

*Посвящается моим сестрам Элизабет и Джоанн.
Спасибо, что вдохновляете меня писать.*

*Все мы личинки. Но я убежден,
что я личинка светлячка.*

Уинстон Черчилль

*Уснет Природа, и в ночи
Светляк фонарь зажжет.
И позовут его лучи
Сородича в полет.*

Джеймс Монтгомери

Глава 1

Светлые волосы четырнадцатилетней Серафины Уокер ниспадали красивыми локонами. Она носила облегающий школьный джемпер и короткую юбку. С первого же взгляда в ней угадывалось нечто притягательное. Но как и светляки, гипнотическим сиянием привлекающие добычу, Серафина Уокер была совсем не такой, какой казалась.

Трезвонил школьный звонок. Серафина уронила карандаш. Он упал с тихим стуком, разбрызгивая по паркету крошечные капельки крови с острия. Школьный наблюдатель лежал рядом с карандашом, скорчившись и схватившись руками за шею, вокруг него расплывалась багровая лужа. Он почти наверняка умирал.

Выглядело красиво. Думать об этом — значит проявлять неуважение? Пожалуй. Как и стоять здесь, наблюдая, как с каждым вдохом вспухают и лопаются на его подбородке кровавые пузыри.

Серафина понимала, что должна отвести взгляд. Но не могла. Увлеклась. И поразилась внезапному порыву встать на колени, очутиться поближе, посмотреть, какую ранку оставил ее карандаш на

коже — ровную или рваную. По логике, вероятнее первое. Она ударила его карандашом быстро и решительно, значит, ранка должна быть аккуратной. Но ей хотелось убедиться. Просто рассмотреть вблизи.

— Серафина? Серафина?..

Через спортзал бежала миссис Браун. Огромный бюст учительницы рисования прыгал вверх-вниз, вверх-вниз, ее вельветовая юбка с шорохом терлась о сапоги. На лице застыло выражение паники и ужаса. Серафина удивилась. Она ожидала возмущения. Перевернула взгляд на Клодию, которая всхлипывала, обхватив обеими руками подтянутые к груди колени и уткнув в них трясущуюся голову. Миссис Браун пронеслась мимо нее, не обратив внимания. Клодия подняла голову и зарыдала громче. Ее глаза покраснели, щеки были полосатыми от слез, а выражение лица — странным. Без признаков облегчения.

Серафина хорошо считывала людей. Даже очень. Но ей не всегда удавалось понять их. Почему они плачут? Почему визжат? Почему бегут?

И она наблюдала. Изучала их. Подражала. И дурачила.

Глава 2

С кофе в руке и все еще в пижаме, Лана сидела за маленьким столом на лестничной площадке и, пренебрегая видом северных районов Лондона за окном, не сводила глаз с экрана ноутбука. Она только что прошла в «Фейсбуке» популярный тест «Какой вы кофе?» и теперь откинулась на спинку стула, обхватила кружку обеими руками и ждала, когда загрузятся результаты. Экран был слишком ярким, курсор мигал в такт пульсирующей боли в висках. Более терпеливый человек открыл бы настройки

и подкрутил контраст, а Лана просто выдернула вилку из розетки, заставив ноутбук переключиться в энерго-сберегающий режим и снизить яркость экрана на три пункта.

А вот и результат: «Вы — двойной эспрессо, для большинства чересчур горячий и крепкий». Лане понравилось, как это звучит. Ее дочь выражалась гораздо менее лестно, используя слова вроде «безответственность», «сумасшествие», «хаос». Джейн осудила бы ее за бутылку из-под вина в мусорном ведре на кухне и за водку на тумбочке у кровати. В возрасте Джейн Лана была неразборчивой в связях наркоманкой с минимум тремя приводами за мелкие правонарушения, так что по сравнению с жизнью, которую устроила Лана собственной матери, нетерпимая дочь-зануда — пустяк. Чуток досадно, конечно, но в общем-то ерунда.

Лана поделилась результатами с друзьями в «Фейсбуке» и с подписчиками в «Твиттере». Марж запостила цитату про хорошее, которое случается с хорошими людьми. Еще семнадцать лайкнули ее. Лана отреагировала — стремительно отстучала «скажи это тем 39 посетителям ночного клуба в Стамбуле, которые погибли в перестрелке», и нажала «ввод». Какими все-таки тупыми и жизнерадостными дебилами бывают люди.

В дверь постучали. Лана зашлепала босиком вниз по лестнице, гадая, каким человеком надо быть, чтобы дубасить кулаком в дверь, на которой есть идеально работающий звонок. «Растворимым кофе, в котором молока больше, чем кофе, и два куска сахара», — пришла она к выводу, пока открывала дверь. Там никого не было. Лана осматрелась, ища взглядом открытку из службы доставки или посылку, оставленную на пороге, но не нашла ни того, ни другого.

— Глупая мелюзга, — буркнула она под нос и ушла снова ставить чайник.

В кухне она насыпала молотый кофе в кофеварку, залила его водой и ополоснула кружку в раковине. В саду большой черный дрозд силится вытащить из земли свой извивающийся завтрак. На какое-то время показалось, что червяк победит, но птица потопталась на месте, словно в птичьем танце смерти, и — бздынь! — выдернула червяка. Лана обернулась, чтобы достать из холодильника молоко, — тут-то и увидела его.

Этот маленький белый конверт валялся в прихожей на коврик у входной двери. Открывая на стук, она отпихнула его дверью к стене. Лана подошла, подняла конверт и перевернула его. На нем что-то блеснуло. Ее имя, оттисненное с лицевой стороны серебристыми буквами.

Зазвонил ее телефон. Вынув его из кармана, она взглянула на экран.

— Привет, детка, — ответила она сильным с похмелья голосом.

— Хотела поздравить тебя с днем рождения, — сообщила Джейн.

— Ну валяй, — разрешила Лана.

Краткая пауза.

— С днем рождения, мама. Есть планы на сегодня?

Что в переводе означало «только не торчи весь день в пабе».

Вопрос дочери Лана пропустила мимо ушей.

— Эта открытка от тебя? — Снова пауза. — Открытка, которую только что принесли, — уточнила Лана. — Ты ее отправила?

— Какая открытка?

— Проехали. Ты заканчиваешь как обычно?

12 Сходим куда-нибудь выпить чаю?

Джейн что-то сказала в сторону, прикрыв ладонью микрофон, затем снова в трубку:

— Мне пора, мама. Позже увидимся. Хорошего тебе дня.

«Маленькое латте с обезжиренным молоком» — это про Джейн. Ни избытка кофеина, ни жиров: благоразумный, скучный кофе. Лана вспомнила про конверт, открыла клапан и достала белую открытку. С надписью на лицевой стороне: «С первым днем рождения».

Шутка, что ли? Она не поняла.

Лана развернула открытку и прочла внутри:

ТВОЙ ПОДАРОК – ЭТА ИГРА.
СЛАБО СЫГРАТЬ?

Лана улыбнулась.

— Что еще за игра?

В открытку из белого глянцевого картона была вложена длинная полоска папиросной бумаги с URL-адресом и кодом доступа. Лана достала телефон, открыла браузер, ввела адрес и код. Загрузилась чистая белая страница, затем появилась надпись тем же серебристым шрифтом:

ПРИВЕТ, ЛАНА,
Я ДАВНО НАБЛЮДАЮ ЗА ТОБОЙ.
ТЫ ОСОБЕННАЯ.
НО ТЫ И САМА УЖЕ ЗНАЕШЬ, ВЕРНО?
ВОПРОС ВОТ В ЧЕМ...

Лана прокрутила страницу вниз.

ГОТОВА ЛИ ТЫ ДОКАЗАТЬ ЭТО?

13

Ниже обнаружилась большая красная кнопка с единственным словом «ИГРАТЬ». Потом появилась еще одна фраза. Она бежала по экрану справа налево, повторяясь вновь и вновь.

Я БРОСАЮ ТЕБЕ ВЫЗОВ.

Как все предыдущие и все последующие игроки, Лана нажала кнопку. Страх она не чувствовала. И не остановилась, чтобы задуматься о последствиях или загадочной открытке. Ей просто хотелось поскорее узнать, что будет дальше.

Глава 3

Серафина сидела в маленькой комнате без окон в полицейском участке и размышляла, убедительно ли звучат ее ответы, нормальны ли они. Она понятия не имела, как рассказывал бы о таком обычный человек. И полагалась на полицейские сериалы, книги и собственную фантазию.

— Итак, расскажи нам еще раз, Серафина: как ты очутилась сегодня утром в спортзале?

Констебль Кэролайн Уоткинс задавала этот вопрос уже дважды. Голос у нее был высокий, девчоночий. Темные волосы собраны в аккуратный узел на затылке. Красилась она сильно, но безупречно, и с каждым повтором вопроса у нее дергался левый глаз.

Серафина пожала плечами.

— Нам просто было скучно, — уже в третий раз сказала она.

— И как ты уже говорила, школьный смотритель Даррен Шоу последовал за тобой и Клодией Фримен?

Серафина кивнула.

Уоткинс многозначительно склонила голову в сторону записывающей аппаратуры.

— Да, — произнесла Серафина.

— А карандаш?

— Он лежал у меня в кармане.

Уоткинс смотрела Серафине в глаза.

— А, ну да, — согласилась она. — После урока рисования, — еле заметная улыбка тронула ее губы.

— Нет, — поправила Серафина. — ТП. Технологии проектирования.

— Конечно же. Я ошиблась. — Констебль Уоткинс сделала вид, будто что-то исправила в своих записях. — Итак, мистер Шоу подошел к Клодии в спортзале. Ты сказала, что она попала. Что ты имела в виду?

Ее глаз снова дернулся.

Серафина в точности повторила свой прежний ответ:

— Он схватил ее сзади за шею и полез рукой ей под джемпер.

— И ты уверена, что эти действия не были консенсуальными?

Серафина помедлила немного, прикидывая, что могла бы сказать эта сучка Клодия. Они дружили, но Серафина знала, что Клодию раздражает популярность подруги. Насколько далеко зашла Клодия, чтобы подгадать ей?

— Ты уверена, что он принуждал Клодию и действовал вопреки ее желанию? — спросила Уоткинс.

— Ей пятнадцать, — ответила Серафина, оскорбленная тем, что ей попытались растолковать значение слова «консенсуальный».

Щеки Уоткинс вспыхнули.

Мать Серафины, которая до этого сидела молча, как велено — она такая послушная рохля, — теперь подала голос.